

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко

Издательский Дом Дмитрия Бурого

Научное издание

«ЯЗЫК И КУЛЬТУРА»

Выпуск 10

Том IV (104)

Киев
2008

М 74 МОВА І КУЛЬТУРА. (Науковий журнал). – К.: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2008. – Вип. 10. – Т. IV (104). – 304 с.

Наукове видання «Мова і культура» засноване у 1992 році

Видання зареєстроване Міністерством юстиції України.

Свідоцтво КВ № 12056-927ПР від 4.12.2006 р.

Засновники:

Київський національний університет імені Тараса Шевченка

Видавничий Дім Дмитра Бураго

Видається за рішенням Вченої ради Інституту філології Київського національного університету імені Тараса Шевченка від 19.02.2007 р.

Головний редактор Д. С. Бураго

Редакційна колегія:

канд. філол. наук, доц. *П. П. Алексеев*; д-р філол. наук, проф. *А. Й. Багмут*; д-р філол. наук, проф. *В. М. Брицин*; д-р філол. наук, проф., академік АН ВШ України *Ю. Л. Булаховська*; д-р філол. наук, проф. *О. П. Воробйова*; д-р філол. наук, проф., академік НАН України *Д. В. Затонський*; д-р філол. наук, проф., академік АН ВШ України, заслужений працівник ВШ України *М. О. Карпенко*; д-р філол. наук, проф. *Т. В. Клеофастова*; д-р філол. наук, проф. *Ю. І. Корзов*; д-р філол. наук, проф. *Н. В. Костенко*; д-р філос. наук, проф., заслужений діяч науки і техніки України *С. Б. Кримський*; д-р філол. наук, проф., член-кор. НАН України *Н. Є. Крутікова*; д-р філол. наук, проф. *Г. Ю. Мережінська*; д-р філол. наук, проф. *А. К. Мойсієнко*; д-р філол. наук, проф. *Ф. О. Нікітіна*; д-р філол. наук, проф. *Н. Г. Озерова*; д-р філос. наук, проф., академік НАН України *О. С. Онищенко*; д-р пед. наук, канд. філол. наук, проф. *Г. В. Онкович*; д-р філос. наук, канд. істор. наук, проф. *Ю. В. Павленко*; д-р філол. наук, проф. *Г. Ф. Семенюк*; д-р філол. наук, проф., академік НАН України, заслужений діяч науки і техніки України *В. Г. Скляренко*; д-р філол. наук, проф. *Н. В. Слухай*; д-р філол. наук, проф. *О. С. Снитко*; д-р філол. наук, проф. *Е. С. Соловей*; д-р психол. наук, проф., член-кор. АПН України *Н. В. Чепелева*.

Горицкая О. С., Ковш О. А.
(Минск, Беларусь)

КАК ЗАСТАВИТЬ СОБЕСЕДНИКА ПОВЕРИТЬ ТЕБЕ, ИЛИ О ТРАНСПОЗИЦИИ ЛИЧНЫХ ФОРМ ПРИ УБЕЖДЕНИИ

В роботі розглядається транспозиція особових форм (уживання власного ім'я і дієслова в 3-й особі замість форм 1-й особі) з метою переконання. Виявлення і аналіз прагматичних властивостей граматичного засобу, який досліджується, проводиться з урахуванням взаємодії двох комунікаційних категорій – довіру-недовіру і переконання. Дослідження проведено на матеріалі болгарської мови.

Ключові слова: особові займенники, власне ім'я, граматична особа, транспозиція, довір-недовір, переконання.

В работе рассматривается транспозиция личных форм (употребление имени собственного и глагола в 3-м лице вместо форм 1-го лица) с целью убеждения. Выявление и анализ прагматических свойств изучаемого грамматического средства проводится с

© Горицкая О. С., Ковш О. А., 2008

учетом взаимодействия двух коммуникативных категорий – доверия-недоверия и убеждения. Исследование осуществляется на материале болгарского языка.

Ключевые слова: личные местоимения, имя собственное, грамматическое лицо, транспозиция, доверие-недоверие, убеждение.

The article discusses the transposition of personal forms (the use of a proper name and a verb in the third person instead of the first person forms) for the purpose of persuasion. Pragmatic characteristics of this grammatical means have been revealed and analyzed in connection with the co-functioning communicative categories trust-distrust and persuasion. The research has been made on the basis of the Bulgarian language.

Key words: personal pronouns, proper name, grammatical category of person, transposition, trust-distrust, persuasion.

Транспозиция личных форм, т.е. употребление одних форм в значении других, привлекала внимание многих известных ученых [1; 2; 3 и др.], однако до сих пор не получила достаточно глубокого и полного описания. Этот интересный языковой феномен является примером того, как грамматические средства употребляются во вторичной для них прагматической функции. Наша работа посвящена описанию частного случая транспозиции личных форм – употреблению имени собственного и глагола в 3-м лице вместо форм 1-го лица с целью уверения в истинности и объективности своей коммуникативной позиции:

(1) – *Ти лъжееш!.. Ти не казваиш истината на народа!*

– **Диман Чорбаджи не лъже!** - *прогръма гласът на чорбаджията и насръхна срещу Войко...*

– *Не се мъчи да прикриеш грабежа си със закани и лъжи!* – *рече Войко.*

– *Казах вече, Диман Чорбаджи не лъже!* (К. Петканов. Размирник).

'– *Ты лъжешь!.. Ты не говоришь народу правду!*

– **Диман Чорбаджия не лъжет!** – *прогремел голос чорбаджи, озлобленного на Войко.*

– *Не пытайся скрыть свой разбой угрозами и неправдами!* – *сказал Войко.*

– *Я уже сказал, Диман Чорбаджия не лъжет!*

Для того чтобы получить адекватное описание такого способа аргументации, необходимо учесть взаимодействие двух коммуникативных категорий - недоверия и убеждения. Их совместная реализация в диалоге не была предметом специального обсуждения лингвистов, однако она закономерна: недоверие говорящего, как правило, стимулирует собеседника на защиту своей коммуникативной позиции; кроме этого, реплики, выражающие недоверие и убеждение, имеют тесную формально-семантическую связь. Это объясняет использование в составе ответного высказывания лексем со значением лжи и обмана, представленных в инициальной реплике, наряду с формами 3-го лица, употребленными при обозначении субъекта речи. Еще одним аспектом взаимодействия доверия-недоверия и убеждения является то, что в распоряжении людей, пользующихся большим доверием, имеется широкий спектр стратегий речевого внушения, поэтому они могут пользоваться достаточно слабыми по интенсивности средствами, а более интенсивные использовать для ускорения своего воздействия [4: 34].

Как говорящему заставить собеседника поверить в свои слова? Во-первых, можно доказать адресату, что описываемая в высказывании ситуация объективна, т.е. существует в действительности. Во-вторых, можно воздействовать на эмоциональную сферу партнера и таким образом внушить ему веру в свои слова. Специфика коммуникативной

ситуации уверения в истинности своих слов заключается в следующем: говорящий знает, что собеседник не располагает объективными способами проверки высказывания на ложность, и поэтому воздействует и на разум адресата, и на его чувства. Эта особенность категории доверия-доверия обуславливает то, что в коммуникативной практике закрепились эмоциональные, рациональные и комплексные способы убеждения.

Так, говорящий может призывать собеседника к доверию, обращаясь к ментальной сфере адресата речи (*моля ви да ми повярвате; вярвайте ми; уверявам те*), фактическим доказательствам (*идете у дома и ще се убедите; можете да проверите; ще ти докажа че неоснователно ме подозираш* и др.); собственному чувственному восприятию (*с очите си видях; очите ми не ме лъжат; с ушите си чух; щом мойто око е видяло и ухото ми чуло, не се съмнявай*); добропорядочности (*смея ли да приказвам небивали неща; мога ли да те лъжа за такава работа; аз ли ще взема да лъжа* и др.); предшествующему опыту общения (*кога съм те лъгал или съм преструвал пред тебе* и др.); народной мудрости (*нали знаеш, който слуша хората, жена си оставя*); авторитету (*ако не вярваш, питай баща / вуйчо си* и др.); здравому смыслу, мотивируя бескорыстность своей позиции (*какъв ми е интересът да те мамя; няма за какво да ви лъжа; защо да ви лъжа; защо да те будалкам* и др.). Особым способом убеждения являются клятвы и частные случаи их проявления – божбы и самопроклятия: *заклевам ти се; мога да закълна в баща си и майка си; честна дума; вярва ти казвам; нб, божи кръст; честен кръст; бога ми; ей богу; бог ми е свидетел; вярвай бога; бог да ме убие/ да пукна / нека на камък да се превърна, ако лъжа; давам си /залагам си / отрязвам си /режа си главата* и др.¹.

Способность верить, как правило, не зависит от способа убеждения, поэтому нельзя с уверенностью утверждать, что один способ уверения эффективнее другого. Доверие в первую очередь определяется личностными особенностями говорящего, действием его внутренних механизмов, которые формируют представление коммуниканта о достаточности/недостаточности аргумента, приводимого собеседником. «Данные виды доводов могут быть релевантными или нерелевантными, могут быть истинными, но не найти реализации, могут быть ложными, но быть достаточными. В основе их актуализации лежит регулятор межличностных отношений» [6: 101].

Если обратиться к объекту нашего исследования, то прежде всего стоит сказать, что транспозиция личных форм является средством, усиливающим прагматический эффект убеждающего высказывания. Это, в первую очередь, объясняется экспрессивностью высказываний такого рода. В. В. Химик так описывает эту особенность: «чем более естественно для текста употребление прямых названий участников коммуникативного акта, говорящего и адресата, тем более значимым и экспрессивным оказывается отстранение от такого употребления, т.е. отстранение говорящего от активной коммуникативной роли» [2: 131].

Важно понимать, что коммуникативная отстраненность, проявляющаяся в замене 1-го лица 3-м, является языковой реализацией психологического феномена эмпатии – умения человека занять отстраненную позицию по отношению к собственной личности, посмотреть на себя со стороны. Такой способ общения предполагает выход говорящего за пределы собственного «я» и переход индивида из сферы своего сознания в объектный мир.

Для определения прагматической значимости транспозиции личных форм сопоставим аналогичные высказывания с формами 1-го (см. пример 2) и 3-го лица (см. пример 3):

¹ Примеры приведены из нового фразеологического словаря [5], некоторые из них представляют выдержки из болгарской художественной литературы.

(2) – Ааа, затова ли се върна? – попита Милутин презрително. – Това ли ти е била целта?... Разбрал си, че не можеш сам...

– Аз не ви лъжа! – каза капитанът. Разберете – можех да се прибера на моя дъщер... Но ми домъчня за вас... (П. Вежинов. Далече от брегове).

' – Ааа, защото ты вернулся? – спросил Милутин презрительно. – Это было твоей целью?... Понял, что один не можеш...

– **Я не обманываю вас!** – сказал капитан. Поймите – я мог вернуться... Но беспокоился о вас... '

(3) – ...Криеш ли ги някъде?

– Елате в квартира, обиск правеее. Мистър Хантов ще види, **Махмуд е чист**, търговия няма, стока няма, Махмуд е **чист** (Б. Крумов. Отрова за брилианти).

'... Прячеш их где-то?

– Пройдите в квартиру, обыщите. Мистер Хантов увидит, **Махмуд честный**, торговли нет, товара нет, **Махмуд честный!**

Высказывание *Аз не ви лъжа* 'Я не вру/не обманываю вас' является распространенным способом указания на истинность своих слов и опровержения противоположного мнения собеседника. Тогда с какой целью говорящий прибегает к замене 1-го лица 3-м, и какой эффект возникает при этом?

Мы полагаем, что, говоря о себе в 3-м лице, субъект речи озвучивает желаемую реакцию собеседника: *Мистър Хантов ще види, че Махмуд е чист* – *Мистер Хантов увидит, что Махмуд честный!* При помощи простого языкового приема ситуация выводится из плоскости сознания говорящего и проецируется на ментальную сферу слушающего. Благодаря этому уменьшается степень субъективности высказывания, а значит, возрастает его убедительность для адресата. Кроме того, склонность к эмпатии является свидетельством высокой коммуникативной компетенции субъекта и способствует созданию положительного образа адресанта в глазах адресата, а значит, повышает доверие к говорящему. Ср. довольно распространенный прием убеждения: *и аз не го вярвах* – *'и я в это не верил'*.

Обратим внимание на то, что высказывание с транспозицией личных форм исследуемого типа «представляет фиксацию не самосознания говорящего, а его объективированных социальных свойств или статуса» [7: 65], поэтому использование имени собственного вместо местоимения я возможно лишь при высокой оценке говорящим своих социальных 'качеств. Говорящий нередко представляет правдивость как объективное свойство своего характера, которое обуславливает невозможность восприятия его слов как лживых и в конкретной коммуникативной ситуации:

(4) *Момчето (искрено). С какво, господин директор, мога да се отблагодари за хубавите новини? Ако, разбира се, са точни.*

Директорът (засегнат). Не ми е присъщо да лъжа (К. Георгиев. Изключителен шанс).

'Юноша (искренне). Как, уважаемый директор, я могу отблагодарить вас за хорошие новости? Если, конечно, они точные.

Директор (задетый). Мне не свойственно лгать!'

Обобщенное представление коммуникативного поведения говорящего имеет место и при использовании лексем, выступающих в роли интенсификаторов убеждающих выражений. В первую очередь, это наречие времени *никогда*. Замена 1-го лица 3-м в высказываниях с интенсифицирующими элементами является дополнительным средством убеждения собеседника в истинности пропозиции или своей правдивости:

(5) – *Да не ме будалакаш?! – изгледа го кривнишки Сквернословното магаре.*

– *Тифон Великолепни никога не лъже!* – *изпъча се драконът и този път изобито не се изчерви* (М. Асадуров. Книга на творението).

' – *Ты меня не дурачишь?* – *косо посмотрел на него Сквернословный осел.*

– *Тифон Великолепный никогда не лжет!* – *выпятил грудь дракон и в этот раз вообще не покраснел!*

Употребляя высказывания такого рода, говорящий имеет в виду следующее:

1. Я хочу продлить диалогическое взаимодействие и даже не обижаюсь на то, что ты упрекаешь меня в обмане; 2. У меня репутация честного человека, который всегда и независимо от ситуации говорит правду; 3. Я хочу убедить тебя в своей честности, поэтому апеллирую к своему авторитету в обществе.

На чем основан объективирующий эффект транспозиции личных форм? Высказывания с личными местоимениями отражают субъективный взгляд на мир – позицию говорящего субъекта. «С чем же соотносится я? С чем-то весьма специфическим и исключительно языковым: я имеет референтную соотнесенность с актом индивидуальной речи, в котором оно произносится и в котором обозначает говорящего. <...> Реальность, к которой он отсылает, есть реальность речи» [8: 295–296]. Ср.: ««Я»-субъекты не устанавливают референцию к внешнему миру» [9: 331]. Следовательно, для того чтобы представить содержание высказывания как объективное положение вещей в мире, а не как результат субъективной концептуализации, личные местоимения, в особенности я, надо избегать².

Подводя итоги сказанному, отметим, что доверие говорящего во многом зависит от способности собеседника убеждать и приводить достаточные аргументы. Отсюда тесная формально-семантическая связь реплик недоверия и убеждения. Одним из основных способов преодоления недоверчивой коммуникативной позиции собеседника является объективизация позиции говорящего. Она может достигаться, в том числе, при замене местоимения 1-го лица именем собственным. Эти формы нередко употребляются в сочетании с дополнительными средствами убеждения, в частности с лексемами-интенсификаторами. Объективирующий эффект транспозиции личных форм основан на устранении наиболее субъективного компонента высказывания – местоимения я. Изучение прагматического потенциала грамматических форм является перспективным направлением лингвистических исследований, отражающим взаимосвязи языка, мышления и коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира: (На материале русской грамматики). – М.: Языки русской культуры, 1997. – 574 с.
2. Химик В. В. Категория субъективности и ее выражение в русском языке / ЛГУ. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. – 181 с.
3. Шмелев Д. Н. Стилистическое употребление форм лица в современном русском языке // Шмелев Д. Н. Избранные труды по русскому языку / Вступ. ст. Крысина Л. П. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – С. 289-310.
4. Демьянков В. З. Эффективность аргументации как речевого воздействия // Проблемы эффективности речевой коммуникации. – М.: Институт научной информации по общественным наукам АН СССР, 1989. – С. 13-40.

² Этим фактором объясняется узуальная замена 1-го лица 3-м во многих жанрах публицистического и официально-делового стиля, частотность безличных предложений в научных текстах и т. п.

5. Анкова-Ничева К. Нов фразеологичен речник на българския език. – София: Св. Климент Охридски, 1993. - 462 с.
6. Фаян Н. Ю. Проблема достаточности аргумента // Коммуникативно-функциональный аспект языковых единиц: сборник научных трудов. - Тверь, 1993. – С. 100-106.
7. Ким И. Е. Личный дейксис и личная сфера // Российский лингвистический ежегодник. – Выпуск 1 (8). – 2006 г. – С. 54–67.
8. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – Благовещенск: БГК им. И. Л. Бодуэна де Курте-нэ, 1998. – 360 с.
9. Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. – М.: Наука, 1985. – 335 с.